DOI: 10.36340/2071-6818-2020-16-1-56-79

Natural Landscape of Philosophy (Political Reflection of Heraclites and Aristotle)¹

Summary: Implemented by *human band* practically simultaneously in different latitudes of our planet in the middle of the first millennium BC, the civilizational breakthrough of the “axial time” is the time of the birth of science and arts, the development of language as a literary tradition, the becoming of Myth an active picture of the world – a subjective-objective, a philosophical understanding of what a person and the being that surrounds him and what he creates are, and the formation of a subject discovering the world with the help of a word and deed and, at the same time, an object that is thinking, possessing political reflection. However, political reflection has one significant drawback – the brevity of historical memory which should be brought to life from time to time, refreshing the milestones of events and the wisdom of the reflections of the others so that cognitive dissonances would not arise freely (arbitrarily) or as a result of malicious intents of political phenomena (wars, states, a strategist politician, political power, etc.) breaking the membrane of human hostel – ethos, the philosophy of culture, art together with science and the craving for work. The 20th century (and the lengthy first quarter of the 21st century) is a vivid illustration of endless wars and permanent revolutions, an age of world and local conflicts demonstrating an indissoluble connection with the ancient myth, scattering the cogs of mythology, readjusting the world and principles of states, destroying boundaries and empires, starting new wars, multiplying ethnic conflicts, sweeping away values and changing anthropological signs, dissimilating the essential in a man: depriving of the Word and the Cause.

The first part of this article was published in the Art literature scientific and analytic journal “Burganov house. The space of culture” 4.2019

Keywords: Myth, political reflection, strategy of agon, consciousness, εντελεχης, prosperity, mythologies, epistemology, responsibility (ενδεμνια), cultural code.

1. The article was specially written for the 29th INTERNATIONAL CONFERENCE OF PHILOSOPHY “GREEK MORAL AND POLITICAL PHILOSOPHY (FROM PRE-SOCRATICS TO NEO-PLATONISM)” (RHODES: JULY 7–12, 2017) in Russian, translated and read as a report (in English) at the conference venue in Rhodes on July 10, 2017.

The puritan and reformed secularized minority was irritated by the freedom of thought in Myth which guaranteed political reflection – the capability to analytically search for one’s own strategy within the polis, the ability to integrate into the general order of things based on an objective vision of the world, on uniting/stirring up opposites, on giving a feeling of happiness in the pursuit of harmony; though a person should not embark on the voyage of “life” without the hope of reaching this happiness which is achieved not only in the pursuit of knowledge but (!) through labour as well². A myth, in which spiritual quests are strong, which portrays an existential feat (Prometheus suffering for the fire of knowledge, Odysseus revealing the “search” modus to humanity, Hercules’s punishment-struggles), led to its own **modus vivendi**, endowed with psychology and sensuality, gave understanding of harmony, love, but interfered. Such a myth which art placed in the sphere of poetical games as a sparkling pyramid into which all corners of natural philosophy are soldered, which, carrying knowledge of the world, imposing on everyone the duty to have their own modus vivendi and constantly feed their own political reflection, is uncomfortable – painful from the weight of circle quadrature which reflects not only the inseparable connection between a man and the cosmos where the man with his perfect symmetry (body) appears as a reflection symmetry of the universe, but also in this way announces the due and possible symmetry of the body and spirit.

The word *labour* not immediately, gradually began to circulate only in collocations *slave labour* or *hard labour*, thereby preparing a new definition: “labour is the fate of slaves”. However, against the general background of the struggle for the common good, the “gods of the revolution” confused the sleeping minds by idle prosperity in the states of the Sun where equality is based on common laziness, where, in addition to equality and fraternity, happiness is spread when labour is canceled. Nevertheless, happiness is not achievable without labour. This is what Aristotle insisted on, what was stated in *Labour and Days* – the most popular book of the ancients (references to it are found not only among philosophers and historians but also in the drama and melik of the Hellenic world) which has become a practical guide not on survival but on a valiant life preserving the spiritual order of every person living by work so similar to Hesiod himself, trained by the priests.

Over time, this tale, fueled by the impoverishment of the masses whose reason was motivated by a dream in which there was no common sense (see Heraclitus), which had been strengthened by popular peasant riots for centuries, led to the revolutions of the 20th century, to the death of old empires, to the breaking of the moral imperative (when this conscience, like the spine of nature, was seized, sent into trans by ignorance, by “symbolic exchange” of tales and signs), to the loss of aesthetic categories and, in fact, to the extinction of the human in a person. Thus, a question will be asked: is it worth registering a man in the Red List or calling for the Tribunal for the loss of imagery, for lexical poverty? Indeed, the Myth did not just preserve them (semantic guidelines, the

2. This simple formula was outlined, literally in one paragraph, by Aristotle in his treatise *The Protrepticus*.

Samos.

The ruins of the Heraion of Samos, the first and greatest in Greece (8th century BC.).

Rimmed by the mountains, as if in a bowl, the majestic Hekatompedos rose. It was dedicated to the supreme goddess, most revered by the ancient Greeks. Preserved individual blocks of columns with carved ornaments as well as a vast territory stretching for several hundred square meters testify to its grandeur. The territory is well-guarded, forbidding tourists from close contact with stone artifacts, which indicates the sacredness of the place for modern Greeks. The temple complex is held by a central moulage pillar made of concrete blocks, the true height of which is 33 meters. It is as if the Pillar of Alexandria in St. Petersburg, attracting attention and creating an energetic current of perceptions from every gaze at it.

The photo was taken during the 30th IAGP "POLIS, COSMOPOLIS AND GLOBALIZATION" (July, 20–26, 2018, Pythagorion, Greece) international conference held on Samos, and after the report "Troy's Double Ax: Myth as a Nomadic Column, or Procrustean Space of Being". Having become the center of piracy after the Trojan battle, the island of Samos at the crossroads of sea roads as if absorbed the Myth. Its continuation as the pirate capital had been a source of tension for several centuries. Washed by the fast current, spreading out like the Buyan island, it is the center of attraction – the temple of the Mother Goddess, and the Sargasso Sea attracts travelers. The island amazes with the beauty of a diverse landscape where the gods were free, where nymphs teased heroes, and eidos was woven in the air, giving rise to philosophers (Pythagoras, Aristarchus, Epicurus).

sacred meaning of a thing, phenomenon, concept in the radiance of an image), it nurtured them linotypically – with a metaphor. Therefore, in reality, which is many centuries away from us, labour was perceived as valour, and love as the light of Harmony, and this is with the same contradictions and enmities that remain constants of times and peoples. However, nowadays this whisper is not enough.

Note that the Christian ideology that shook off the ancient worldview with the new Myth of God-Man and especially the "gods of revolution" of the Enlightenment instilled and used guilt (the original sin, the sin of imperfection) before God presenting

labour as a punishment for sins, that is, inherited by the very fact of birth. And this test should be taken not with murmuring, since a person is an unreasonable child and should be content with little, should not ask, but at the same time work, assuming that labour is a heavenly punishment (note: punishment by labour happened only in the afterlife – Sisyphus, for example; however, any labour had a connotation of “valiant feat” in the world) which can only be mitigated by a golden candy, with which you must pacify the wrath of God and use as the highest good in anticipation of death. Such is the Jesuit syllogism, which for centuries has been instilling that “there is no truth on earth”, that there is no truth above God, and, since “it often attracts a mortal to gold”³, the mortal can forget that “other ways are open to a man, he can decorate his own fatherland with a thousand valiant deeds”⁴. Meanwhile, in these Euripides’ words there is not only a life credo (do what you should and be done!) but they is perhaps what Pyatigorsky called “political reflection” – thinking aimed at the political philosophy of the state, analyzing not only power, desacralizing its phenomenon, foreseeing transformations and their consequences, also participating in political being, building its strategy πολιτεω⁵ – in the simple structure of the city, or otherwise in the way of life (most natural philosophers followed this maxim, carrying and introducing such an active life position: fighting, improving and glorifying the homeland). Political reflection is a thinking that thinks itself, rejecting the previous one, questioning, like a snake that takes off its skin, and thereby moving forward the length of its own body – such a forward movement, equal to a step, is very important in political reflection: it begins with it political freedom, in which *a man* always sounds proudly. Therefore, the sum of faith as a supreme right (*summum jus*) versus the sum of thinking, or, following the neatness of Roman sayings⁶, superstitious lack of rights (*summa injuria*) versus the highest good (*summum bonum*), which we consider, following Herodotus and etc., to be a free mind (in his ontological radiance). In such a prolonged duel that lasted bloody and mercilessly, according to the archaic tradition of mankind, the only higher right (*summum jus*), the right to religion which knocks out consciousness, not only narrowing the horizons of knowledge, but throwing it on all fours to the Sphinx’s inexorable laughter, pacifying the man himself with the Procrustean method, becomes the preferred (according to the degree of mastery) option for a man.

As we see it, the education of feelings through idleness and aversion to labour as an occupation of plebeians, full of slavish essence, originated precisely during the Enlightenment, which, enlightening with the wisdom of its ancestors, not only brought about revolutions, but also became the springboard of scientific and technological progress

3. Euripides. *The Return of the Hero* / Golosovker Y. E. *Anthology of Ancient Lyrics in Russian Translations. Lyrics of Hellas*. V.1. Tomsk; Moscow: Vodoley-Publishers, 2004. P. 428.

4. Euripides. *Valour*. P. 428

5. Greek πολιτεω – to manage the state, be a citizen (see Greek-Russian dictionary).

6. *Summum jus – summa injuria* (the highest law is the highest injustice, that is, the right brought to extreme formalism leads to lawlessness) [Brief Dictionary of Latin Words, Abbreviations and Expressions. Moscow: TERRA, 1996. P. 86].

which predetermined the civilizational leap of society. Under Locke's influence, Bolingbroke, an English philosopher of the 18th century, came to the conclusion that there is enough experience to understand God (apparently, Revelation, which happens once), believed that only the upper layers of society can use the right of freedom of thought as *summum bonum*, and the lower layers (common people) should be guided by religion – a set of superstitions casting only dreams which are not friends with common sense and, according to natural philosophers, are so harmful to humans. Later, this secularized right, based on a desire for exclusivity, would develop in such a way that it would surprise Voltaire and Montesquieu who discovered a society in England different from French, a society in which the crown did not control the legislature, in which the greatest freedom of thought and expression dominated – not only in political but religious matters as well; that English individualism, imbued with an anti-clerical spirit, which allowed to call the religious revival of England in the middle of the 18th century the Great Awakening⁷. However, it was precisely this “awakening” that led to the birth of a political strategy which would wield the minds of sane English, French, Russians, Chinese, etc., who got involved in the creative act of overthrowing the absolute power, the new tyrannomachia; and, note, this idea was voiced in *Common Sense* pamphlet (polemic battles pierced by skepticism and irony were very popular on both sides of the La Manche) by Thomas Paine (in 1776, two centuries before Baudrillard's *Symbolic Exchange*). He proposed “a world work as Noah's state” which, originating a new Creation Myth, was that global project, next after the expansion of the Greek world in Asia Minor, Alexander the Great campaigns, the Mithridates Wars, the Gallic Wars of Caesar, the Crusades to Jerusalem, the Tudor conquest of America or India, that large-scale venture of new-colonization like the Egyptian pyramids, the gardens of Babylon, the Tower of Babel, the Colossus of Rhodes, or the giant collider, which the mankind does not mind joining (voluntarily, spinelessly, involuntarily), and that attracts with karmic distance, and is, in fact, due to the craving for communion with the mythical Atlantis (Kitezh), with conciliar unity through a common cause – what is this if not *πολιτενω*? And on the grounds that the idea was overgrown with its substances, began to wail with objectivations, launched a current of omnivorous emates of democratic mysticism, raised its heroes (Danton, Robespierre, Marat) and, being included in the vicious circle of cannibalism on the principle of “friend or foe”, took possession of the minds of the majority, having added both the Pantheon and the barrow, it became overgrown with a chronotope and symbols, became just a living object, otherwise – a Myth, which, according to Losev, is “the organism of life that has become a human individual, constructing itself and normatively constructing all its life function in terms of its substantial dependence on above human and non-reasonable field of destiny”⁸. The Lernaean hydra of the revolution lived according to its own laws and in its hollows of the restruct-

7. Dawson K. G. The specified work. P. 94–95.

8. Losev A. F. *Athenian Neoplatonism* / Losev A. F. *The History of Ancient Aesthetics. The Last Centuries*. V. 2. Kharkov: Folio; Moscow: LLC Publishing house AST, 2000. P. 227.

tured world – manifestos, declarations, tribunals, etc.; it also gained age, the point of “exclusion” which allowed Dawson to call the ideologists and arbiters of the Enlightenment revolution gods. Under these conditions, the myth of a new battle, which can be called *ανθρωποζ* mahid – a massacre for a new man in which the man himself was lost, weaved. In this sense, Dawson’s “gods of revolution” acted as successful political technologists: after finding a weak link – it turned out to be a man, they relied on its gradual decrease, and not on growth (it is always easy to keep a midget even in your own pocket)⁹, swaddled with only one thing – the inscrutability of God’s ways (otherwise – the existence of God’s providence to which there is no explanation, no influence from above), and therefore one needs not to “be”, but to rely on “whatever happens”; one can play “Pharaoh”, try on the mask of God, temporarily becoming omnipresent and unexplained wayward children of the elements who can handle any “world cause” as they are the children of the Sun¹⁰.

In addition to the secret call for the liberation of America, Paine’s pamphlet clearly identified two points, two lines of the glorious Mesopotamia which is now called the revolutionary movement. It was the concept of a political revolution as part of a world-wide and almost cosmic change that goes far beyond local and historical circumstances, and, if you will, it is the Spanish jota of messianic idealism, turned into the millennial kingdom of equality. Here, we believe the idea of the afterlife of the Protestant Reformation intertwined with the usual order of things – a natural arrangement of alternating repression (“through enmity and substitutively [at the expense of another]”) of one existence by another. And the American history of the liberated state, under the influence of Paine and Franklin, began to be identified, in the eyes of the whole world, with revolutionary idealism which populistly combined morality with prosperity, and political game with superstition due to the fact that, as Dawson observes, “from a local quarrel about the amount of taxes and colonial rights, the conflict turned into a crusade for human rights and the cause of mankind”¹¹. The irony was taken straightforwardly by those who were so tired of their boring Penates where everything was divided and laid out by absolute ownership.

And now we will proceed to Aristotle to whom we have referred so many times but did not provide interpretations. There is one meaning in the philosophical dictionary: “Entelechia (Greek *εντελεχεια*, from *εντεληζ* – completed, finished and *εχω* – I have, I am in a state; strictly – to-be-in-a-state-of-full-fulfillment, fulfillment) is one of two terms of Aristotle’s philosophy (equally with energy) to indicate the actual reality of an object, an act, in contrast to its potency, ability”¹². And even more rigorous: “In Aristotle’s philosophy, entelecheia (from Greek – completion, fulfillment) is the means of being a thing which essence is fully realized, a form that is realized in matter; an active

9. As an example, pamphlets by J. Swift and his famous Gulliver sound very convincing.

10. Campanella’s visions have devastated common sense for centuries.

11. Dawson K. G. The specified work. P. 128.

12. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1983. P. 800.

beginning that turns opportunity into reality, relevance, and thereby exhausting possibility or potentiality”¹³. Meanwhile, if we turn directly to the Greek language in which Aristotle’s philosophy was woven, the definition will be more than concise; however, discouraging in its opposite essence: “εν – δελεχηζ, εζ – continuous, constant”. Nevertheless, if one looks closely at the Greek inscription of words, one will find a difference not only in meaning, but also in spelling: a philosophical dictionary article is based on a word that is not in the Greek dictionary – εντελεχεια – but there is a word εν-τεληζ (“perfect”, “immaculate”, “excellent”, “complete”) and the word εν-δελεχηζ (“continuous”, “uninterrupted”) ¹⁴. In this case, the truth is not just in the middle – it is in another word, a Greek one εν-δελεχηζ, εζ, which means **continuity and constant duration, flowing continuously**. Doesn’t it look like the Heraclitian “everything flows and everything changes”, as if the world’s unstoppable force echoes the human ενδελεχεια, or vice versa, which is more natural (the human brain is very complex – it is a complex biomatrix that works one tenth of its capabilities at best for a person, and it hides in itself no less than the universe does)? As it is seen, two different substances surfaced: continuous and finished. Let’s proceed to the “dissection of frogs” (an exciting exercise since the time of *The Receptive Curse of Utopia* ¹⁵). Where did the initial interpretation of the word go, along with its continuity, precipitousness, flowing, incompleteness, that is continuing and is not able to stop since it simply does not have any segments on its course except for two: birth and death. And these exactly, since only with the stop of the brain (which means the death of an organism) does the ενδελεχηζ stop, as it is the mind that includes it having received an impulse by the fact of its birth. As we understand it, “entelechy” and “intelligence” are the words of one seme, the meaning of which is clearly defined in the Greek dictionary: “continuous, constant”. We are convinced of this by our own experience, and the experience of others, and the scientific research of neurophysiologists: the brain cannot sleep, at best this is what we call “sleep mode”, like an unconnected computer with a blinking light, even during a short sleep the brain is “working”: it searches, tracks, bumps into allusions, compares pictures, and then presents us with insight, which forces us to open our eyes, and, prompting us to take active actions, requires the implementation of “shown” in a visible image or verbal mental sound (pictures, often coloured, words, often ready-made phrases and rhymes). And the word “intelligence” (human mental ability) does not mean its own death owing to the fact that its “finiteness” and “completeness” is possible only with the bulb turned off, and it can only be guaranteed by death (artificial ventilation is only weak comfort on a broken primus) that phenomenally stops the phenomenally arranged apparatus of the brain which performs mental operations, sending out impulses to certain areas of the brain centers – a galaxy weighing a kilogram – even in a dream, continu-

13. Philosophy: Encyclopedic Dictionary / Ed. A. Ivina. Moscow.: Gardariki, 2006. P. 1014.

14. Greek-Russian Dictionary, comp. A. Weisman. St. Petersburg: author’s publication, 1899. P. 442, 432.

15. Menshikova E. R. “Receptive Curse or Terminological Failure: to the Problem of Interpretations of Thomas More’s *Utopia*” // Credonew. 2012. No. 3–4.

ing to create and breathe differently: flow and continuously move. The living, boundless *ενδελεχής*, the flow of which is torn only by stopping the entire biological rhythm of the body (death of the heart or forcibly), can in no way be divided into logical or illogical phrases, its potencies are inexhaustible, it is not feasible in its entirety since its “bottom” (limit, scale, volume) is not defined, it cannot be said that its “essence is realized” to the end because there can be many predetermined tasks, and while the brain in which it lives is alive, not de-energized by a living organism and, thus, ensuring its work, the goldfish *Ενδελεχής* will flutter and swim. In the *Protrepticus*, Aristotle insisted on a constant movement of a person to happiness – for harmony, for the harmony of the modes of “I” and the world which is possible only if the entelechy works well; that is why we must “turn to philosophy if we are going to conduct public affairs correctly” (*οπδωζ πολιτευσε-σδαι*) and usefully live our life (*του εαυτων βιον διαζειν ωφελιμωζ*)”¹⁶. Otherwise, we need to be ready and involved in the freedom of thinking or to possess political reflection in the volume of the alternating current of life.

The *Protrepticus* is not part of the main *Corpus Aristotelicum*, it has reached us in fragments, tradition does not have an exact date of writing (only evidence of Diogenes Laertius that “he [Aristotle] stepped aside from Plato during his lifetime” [V, 2], and this could have been done only in *Physics* (I–§5II), *Metaphysics* (A, B, I, M, N), the *Protrepticus*, which differ greatly in style and spirit), but all its parts are devoted to one topic: what is prosperity (*ενδαιμονια*) and how to achieve it. In this essay, prompting to engage in philosophy, W. Jerger sees the programmatic composition of the Academy (Lyceum) which is based on the presentation of the Platonic ideal and the path to its comprehension¹⁷. It is difficult to disagree with this remark when reading: “Thus, some reasonableness (*φρονησιζ*) is, according to nature, the goal for us, and thinking (*φρονειν*) is the last thing for which we were born. Therefore, if we live, then, obviously, in order to think and cognize. After all, if, according to nature, the goal is judgment, then thinking will probably be the best. So everything else needs to be achieved for the benefits that arise in a person – the bodily benefits are for the sake of the soul, valour is for the sake of wisdom. It’s the most important thing”¹⁸. As always, we find the definition of “prosperity”, that has existed since Antiquity, in the Greek language: *ενδαιμονια* – “happiness”, *ενδαιμων* – “happy”, “rich”, *ενδοκιμεω* – “have good fame”. However, here the philosophical dictionary, using the Greek tracing of the ancient concept, puts everything upside down: “Eudaimonism (from the Greek. *Ενδαιμονια* – happiness, bliss) – ancient principle of understanding life, later in ethics – the principle of the interpretation and justification of morality according to which happiness (bliss) is the highest goal of human life”¹⁹. Here are a few more synonyms for the word “happiness”,

16. *Aristotelis Fragmenta Selecta* / Recognovit W. D. Ross. Oxford, 1955. Quotations are given from Russian translation: Aristotle. *The Protrepticus. On sensory perception. On memory* / transl. into Russian by E. V. Alymova. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 2004. P. 25.

17. Jaeger W. *Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung*. Berlin, 1923.

18. Aristotle. *The Protrepticus*. P. 45.

19. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1983. P. 786.

as well as the same-root or derivatives which the Greek dictionary has: *εγγνωμων* – “well-meaning”, “smart”, *εγγενης* – “noble”, *εντυχεω* – “to be happy”, *εντυχεω*, *αν* – “happiness, well-being”, *εντυχημα* – “happiness”, “luck”, *εντυχηζ* – “happy”²⁰. As we see, the connotation of “bliss” that would have been written in Greek differently is not seen in any of those: *μακαριστοζ* (from *μακαριζω* – “worthy to be considered happy, enviable, happy”)²¹.

Judging by the preserved meanings in the language, “to be happy” meant prosperity, that is the ability and fulfillment of good deeds in conjunction with goodness, and worthy glory in conjunction with nobility, and well-being. “Even in prudence we would need, since we would not have a choice between the good and the evil. Thus, we would be happy only due to the ability to cognize nature and science which alone is worthy of praising even the gods”²². So, prosperity (happiness) is possible only when knowledge is achieved, otherwise – comprehension of the nature of things, which, in fact, what Aristotle was doing, having left Athens, for ten years after the death of Plato and, as many say, wandering. However, the names of his books with which he returned say otherwise: *History of Animals*, *On Parts of Plants*, *On Plants*, *Short Works on Nature* – works that testify to research, knowledge. We include the *Protrepticus* in this list. By no means, this is not the voice of pure reflection, scourging its ego day and night in the desert, not abstract philosophizing, but evidence of comprehension of things, their essence. After all, one cannot comprehend anything without holding it, without working with it/on it (the thing), without caring for it, without cultivating it, without producing, not creating, developing, not twisting, not abandoning... A happy man, according to Aristotle, is the one who, as if “a good helmsman, having connected the beginnings of life with things eternal and durable, seeks (to live) and lives in harmony with himself”²³. We dare to conclude that philosophy according to Aristotle does not at all exclude labour as a noble path to knowledge (wisdom); on the contrary, it introduces it as a proper justification of prosperity, since, by comprehending the nature of things, working in the sway of the nature of things, creating a metaphysics of being, one could comprehend oneself and life, maintain consciousness (prudence), achieve harmony and happiness of being (“consent with oneself”). This is what Aristotle’s *Protrepticus* is about – prolegomena to philosophy as a science. In this connection, one more clarification is important, which Aristotle, absorbed in the ups and downs of life and scien-

20. Quote from: Greek-Russian Dictionary / Slavyatinskaya M. N. Textbook of the ancient Greek language. Moscow: Filomatis, 2003. P. 580.

21. Greek-Russian Dictionary, comp. A. Weisman. St. Petersburg, 1899. P. 778. It is worth noting that this word – *μακαρ*, *αποζ*, *ο*, *η* (“blessed”, “happy”) – was used when talking about gods and then about people, already dead or alive; however, (!) on the blessed islands – *μακαρων νησοι* – that is, according to the beliefs of the ancient Greek, in paradise (*μακαρτατοζ*) – the country of the dead, but who continue to live happily after their death in the real world. Therefore, such a connotation of “happiness” as “bliss” was possible only in discussions of the dead or in poetic speech, which became widespread.

22. Aristotle. The *Protrepticus*. P. 46.

23. Ibid. P. 49.

tific research, in his own life support activities which determined the interaction of two thought processes – “understanding” and “observation”, gives explaining the difference between “knowledge” and “cognition”: “One (το ἐπιστασθαι) is called use and contemplation, and the other (το γινώσκειν) is to have the ability and knowledge (ἐν μὲν το ζῆσθαι καὶ θεωρεῖν λεγόμεν, ἐν ἐλ²⁴ summing up the main point: “... to everyone “to use” means (such a state of affairs) when he, having the ability to do one thing, will do it; but if he has the ability to do much, he will do the one that is best of it. Therefore, it is necessary to say that the one who uses (something) in the best way is right, for only the one who uses (something) properly and correctly has knowledge of “for what” and “how it (something) is arrange”²⁵. This is what creates the welfare that is best done, which leads to harmony: in good terms with oneself and the world. And in the best way, in order to “use” (something) in the “right way”, possessing knowledge (about it), according to the philosopher’s thought, helps the soul’s ability to “think and make conclusions”²⁶, and only then can a person experience happiness – existence, perfect by its essence, that is only when it will act and explore its subject²⁷. That is, at the full surrender of one’s strengths and abilities. Isn’t it in that way – “tearing off a scarf, opening the heart, dumb with the wind and training the cords with Demosthenes” – Homer and Hesiod, whose *Days* fill a person with labour, leading to accomplishment and ... to self-realization, weaved their Myth?

Therefore, the course of our life strongly recommends returning to the complexity of ideas, clarity of action and Heraclitic logic from an empty label (conceptual, far-fetched: myth-word): “Everything flows, everything changes, and you cannot enter twice into the same river without changing”. In order for such an escape – from the embrace of a “symbolic exchange” under the roof of a “natural exchange” of images and concepts – to take place, one must, like the hero of Gorin’s play (*Munchausen*), perform a feat every day.

24. Ibid. P. 50. Here a quote is given as it is given in Aristotle’s collection (book) which we chose as a source illustrating the philosopher’s thought, without any changes on our part; however, we must note: the Greek spelling of the word “knowledge” is not in accordance with the Greek dictionary. Apparently, the reason for this was the numerous translations and reconstructions from the preserved German and English fragments of the *Protrepticus* (note: Jaegen W. *Aristotles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung*. Berlin, 1923; *Aristotelis fragmenta selecta* / Recognovit WD Ross, 1955; *Aristotelis Metaphysica* / Recognovit brevique adnotatione instruxit W. Jaeger. Oxford, 1957). The given word ἐπιστασθαι is absent in the dictionary but there are words: ἐπισταθμοζ (“boss”, “quartermaster”, “commandant”) and ἐπισταθμια (“billeting”) which have a slightly different connotation which can be called for help, as the etymology of any word has deep connections with wide related nests and associative strong ties: ἐπιστασιζ (“observation of something”) will necessarily lead to certain knowledge, and all knowledge to domination of something (ἐπιστασσω). The canonical style of the word “knowledge” is different: ἐπιστημη or ἐπισταμαι (“knowledge, science”); ἐπιστημων (“knowledgeable”) (Greek Dictionary, edited by A. Weismann. P. 507).

25. Ibid. P. 51.

26. Ibid. P. 52.

27. Ibid.

Using the Myth in the meaning of “a tale”, Sigmund Freud fabricated his practical lies no worse than Destiny. Labeling with behavioral labels, he deliberately turned on the unconscious cathode – the very obstruction of a Procrustean bed in which the human consciousness stood in the corner of its childishness. It was not the myth of Tsar Oedipus itself that was applied to the theory of psychoanalysis, but the literary tradition, the foundations of which were laid by Sophocles, that tells the story of the revenge/retribution of a good-for-nothing son (a plot that later formed the basis for a classic picaresque novel), which stands as a formidable monument (taut bronze) to the missing hero. However, even in Sophocles’ tragedy, Oedipus does not avoid and does not seek (those excuses and consolations) the punishment of the gods. This has become the norm in the practical guidelines of psychoanalysis, which played its evil part, one of the main ones, in the transmission of mythologies. Telling about the act of retribution, the ancient Greek tragedy by Sophocles, *Oedipus the King*, demonstrated the *summa jus* that a mortal may have – the right to choose responsibility for an action. This is not sacrifice but namely the conscious adoption of higher justice: punishment for violation of the Laws (including morality). The punishment is cruel, prolonging suffering. The Myth prepared precisely such understanding of justice. Sophocles was closer to it, he was brought up by it and therefore felt more acutely than we what the failure to fulfill a moral duty, flight from responsibility, a flirt with conscience might lead to. All this is fraught with one thing: everyone’s lawlessness and subsequent arbitrariness. Oedipus himself pokes his eyes out – it is not spoken about at the sessions of psychoanalysis, otherwise neither the wrongdoing, nor the sin, waiting for justification and sweet dreams of the client, can be justified. Thus, non-observance of the highest good, it is also the highest right, leads not only to altruism (carefree following of the course of life) but to the lawlessness and indifference of everyone – to each his own (*summa cuique*) at the time of general connivance, blindness in visible and obvious conflicts, social injustice under the formalism of the law which does not guarantee the Law – even for the deed, for that feat of Socrates that showed the world the first feat of civic courage: to the adoption of the law, establishment of the policy, and submittance to it. Not everyone is capable of cutting their eyes out, as Oedipus did, but anyone must have the right to it: to choose an action, to take responsibility – this is what Myth has always taught. Whereas the privacy of the “higher right” is more reminiscent of Indian monkeys that hear nothing, see nothing, will not tell anyone – it is either the triumvirate **summa injuria** (the highest injustice) or the trinity of asthenic syndrome. And so we dare to conclude: “myth” is not something that has to do with the life of the gods (Plato), and is not just one of the historical forms of human thinking (Pyatigorsky). Myth is the natural landscape of philosophy on which the seed of a person’s political reflection originates and sprouts, providing him with status and *modus vivendi*.

REFERENCES

1. [Aristotelis fragmenta selecta / Recognovit W.D. Ross. Oxford, 1955.] Aristotle. *The Protrepticus*, Aristotle. *The Protrepticus. On Sensory Perception. On Memory*, Translation into Russian by E. V. Alymova. St. Petersburg: Publishing house of the St. Petersburg University, 2004.
2. Baudrillard, J. 2000. *Labor and Death*, Jean Baudrillard. *Symbolic Exchange and Death*. Moscow: Dobrosvet
3. The etymological dictionary of the Russian language in the 4t Vol. 3 / Vasmer M. 4th ed. Moscow: Astrel. AST, 2007. Pp. 148, 447–448.
4. Concise Dictionary Latin words, abbreviations and expressions. Moscow: Terra, 1996. – P. 86.
5. Dawson, K. G. *Revolution Gods*. St. Petersburg: Aletheia, 2002. P. 77.
6. Eraclito. Fragmente [Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von HERMANN DIELS, hrsg. V. W. KRANZ, Bd. I–III. B., 1951–1952], by Russian translation: Fragments of the early Greek philosophers. C.I. Moscow: The Science, 1989. P. 176–256.
7. Greek-Russian Dictionary. Ed. Hell. Weissman. St. Petersburg, edition of the author, 1899. pp. 442, 432.
8. Golosovker, Y.E. 2004. *Anthology of Ancient Poetry in Russian Translation. Lyrics of Greece*, vol. 1. Tomsk; Moscow: Vodoley-Publishers, p. 428.
9. Jaeger, W. 1923. *Aristoteles. Grundlegungeiner Geschichte seiner Entwicklung*. Berlin,
10. Losev, A.F. 2000. *Athenian Neoplatonism*, Losev A. F. *History of Ancient Aesthetics. The last Century*. vol. 2. Kharkiv: Folio; Moscow, p. 227.
11. Losev, A.F. 1990. *Dialectics of the Myth* // Losev A.F. *From Early Works*, p. 418.
12. Menshikova, E. 2000. “The Carnival Consciousness”, *Discourse*, no. 8/9. pp. 19–26.
13. Menshikova, E. 2009. *The Grotesque Consciousness: the Phenomenon of Soviet Culture*. SPb.
14. Menshikova, E.R. 2018. “The Double Axe of Troy: the Mission of Myth as a Nomadic Colonatus or Procrustean Space of Being”, *XXXth International Conference of Philosophy “Polis, Cosmopolis and Globalisation” (Samos-Pythagorion: 20th-26th July 2018). Paper Abstracts*. Samos.
15. Menshikova, E.R. 2017. “The Myth as Natural Exchange (Epistemological Aspects of Practical Lie)”, *Credonew*, no. 1–3.
16. Menshikova, E.R. 2017. “The Natural Landscape of Philosophy (Political Reflection of Heraclitus and Aristotle)”, *29th International Conference of Philosophy “Greek moral and political philosophy-From Pre-Socratics to Neo-Platonism” (Jule 7–11, 2017, Rhodes). Paper Abstracts*. Rhodes
17. Menshikova, E.R. 2018. “The Natural Landscape of Philosophy (The Political Reflection of Heraclitus and Aristotle)”, *Philosophy Study*, vol. 8, no. 1.
18. Mythology: Illustrated Encyclopedic Dictionary. 1996. SPb., p. 66.
19. Philosophical Encyclopedic Dictionary. 1983. Moscow: Soviet encyclopedia, pp. 786, 800.
20. Philosophy: Encyclopedic Dictionary. 2006. Ed. A.A. Ivin. Moscow: Gardariki, p. 1014.
21. Pyatigorskiy, A. 2007. *What a Political Philosophy is: Reflections and Considerations*. Moscow
22. Plutarch. 2006. *Isis and Osiris*. Moscow: Exmo
23. Slavyatinskaya, M.N. 2003. *Textbook of Greek Language*. Moscow: Filomatis, p. 5.

Елена Рудольфовна Меньшикова
кандидат культурологии
эксперт

Новый Институт Культурологии
e-mail: elen_menshikova@mail.ru
Россия, Москва

OCRID 0000-0002-5738-0732

DOI: 10.36340/2071-6818-2020-16-1-56-79

Натуральный ландшафт философии (политическая рефлексия Гераклита и Аристотеля) ¹

Аннотация: Цивилизационный прорыв «осевого времени», осуществлённый human band в середине I тысячелетия до н.э. практически одновременно в различных широтах нашей планеты, — это время рождения наук и искусств, развития языка как литературной традиции, становления Мифа как действующей картины мира — субъективного объектива, философского понимания, что есть человек и бытие, окружающее его и творимое им, и формирования познающего мир словом и делом субъекта, и в то же время мыслящего объекта, обладающего политической рефлексией. Однако политическая рефлексия имеет один существенный недостаток: краткость исторической памяти, которая должна время от времени приводиться в чувство, освежая вехи событий и мудрость чужих рефлексий, с тем чтобы не возникали когнитивные диссонансы вольно (произвольно) или злым умыслом политических феноменов (войны, государства, стратега-политика, политической власти и пр.), ломающих мембраны человеческого общежития — этос, философию культуры, искусство вместе с наукой и тягой к труду. XX век (и длящаяся первая четверть XXI века), как яркая иллюстрация нескончаемых войн и перманентных революций, как век мировых и локальных конфликтов, демонстрируя неразрывную связь с античным мифом, рассыпал зубья мифологий, перекраивая мир и принципы государства, разрушая границы и империи, развязывая новые войны, множа этнические конфликты, сметая ценностные ориентиры и меняя антропологические признаки, расподобляя сущностное в человеке — лишая Слова и Дела.

Первая часть данной статьи была опубликована в Научно-аналитическом журнале «Дом Бурганова. Пространство культуры» 4.2019

Ключевые слова: политическая рефлексия, этос, агон, труд, сознание, энтелехия (ἐντελεχίς), благоденствие (εὐδαιμονία), Миф.

1. Статья была специально написана для 29th INTERNATIONAL CONFERENCE OF PHILOSOPHY «GREEK MORAL AND POLITICAL PHILOSOPHY (FROM PRE-SOCRATICS TO NEO-PLATONISM)» (RHODES: 7th–12th JULY 2017) на русском языке, переведена и прочитана в качестве доклада (на англ. языке) 10 июля 2017 года на площадке конференции в г. Родос.

Пуританско-реформаторское секуляризованное меньшинство раздражала та свобода мышления в Мифе, что гарантировала политическую рефлексию — способность к аналитическому поиску собственной стратегии внутри полиса, умению встраиваться в общий порядок вещей, основанный на объективном видении мира, в соединении/взбалтывании противоположностей, в стремлении к гармонии, которая и даёт ощущение счастья, без надежды достичь которого человеку не стоит пускаться в плавание «жизни» и которое достижимо только в стремлении к знанию, но (!) через труд². Миф, в котором сильны духовные искания, что рисует экзистенциальный подвиг (Прометей, страдающий за огонь знания, Одиссей, открывший человечеству модус «поиска», Геркулесовы наказания-борения), подводил к собственному **modus vivendi**, наделял психологизмом и чувственностью, давал понимание гармонии, любви, но мешал — такой миф, что помещён искусством в сферу мусических игр искрящейся пирамидой, в которую впаяны все углы натурфилософии, что, неся знания о мире, вменяя каждому в обязанность иметь свой модус вивенди и постоянным трудом питать свою политическую рефлексию, неудобен — мучителен тяжестью квадратуры круга, которая отражает не только неразрывную связь человека с космосом, где Человек с его идеальной симметрией (телесной) предстаёт как отражение симметрии Вселенной, но и тем самым объявляет о должной и возможной симметрии тела и духа.

Не сразу, постепенно слово «труд» стало кружить только в связке «рабский труд» или «тяжкий труд», тем самым приуготовляя новую дефиницию: «труд — удел рабов». Но на общем фоне борьбы за общее благо «боги революции» смущали спящие умы праздным благоденствием в государствах Солнца, где равноправие зиждется на общей лени, где, помимо равенства и братства, разлитое счастье при отмене труда. Но счастье без труда недостижимо, на чём настаивал Аристотель, о чём упреждали «Труды и дни» — самая популярная книга древних (ссылки на неё встречаются не только у философов и историков, но и в драме и мелике эллинского мира), ставшая практическим руководством не выживания, но доблестной жизни, сохранившей духовный уклад всякого живущего трудом человека, так похожего на самого Гесиода, обучавшегося у жрецов.

Со временем эта сказка, подогретая обнищанием народных масс, чей разум мотивировали на сон, в котором нет здравого смысла (см. Гераклита), век от века крепчая народными крестьянскими бунтами, привела к революциям XX века, гибели старых империй, слому нравственного императива (при этом совесть, как позвоночник натуры, изъяли, вводя в транс незнанием, «символическим обменом» бак и примет), утрате эстетических категорий и, собственно, угасанию человеческого в человеке, отчего впору задастся вопросом: стоит ли самого человека вносить в Красную книгу или призвать к трибуналу за утрату образности, за лексическое оскудение? Действительно, Миф не просто их хранил (смысло-

2. Эту простую формулу изложил, буквально в одном абзаце, Аристотель в своём трактате «Протрептик».

вые ориентиры, сакральный смысл вещи, явления, понятие в сиянии образа), он пестовал их линотипически — метафорой, — потому и в реальности, отстоящей от нас на многие века, труд воспринимался как доблесть, а любовь — как свет Гармонии, и это при тех же противоречиях и вражде, что остаются постоянными константами времён и народов. Но этого шёпота сейчас недостаточно.

Заметим: христианская идеология, страхнувшая античное мировоззрение новым Мифом о Боге-Человеке, и особенно «боги революции» эпохи Просвещения прививали и использовали чувство вины (грех первородный, грех несовершенства) именно перед Богом, преподнося труд как наказание за грехи же, то есть наследованные самим фактом рождения, и это испытание нужно принимать не ропща, поскольку человек — дитя неразумное и довольствоваться должен малым, не вопрошать, но при этом трудиться, принимая, что труд — это кара небесная (заметим: наказание трудом было только в загробной жизни — Сизиф, например, — но в мире любая работа имела коннотацию «доблестного подвига»), смягчить которую может лишь золотой леденец, которым ты должен усмирять гнев Божий и пользоваться как высшим благом в ожидании смерти. Таков иезуитский силлогизм, десятки веков внушающий, что «нет правды на земле», что нет истины выше Бога, и, поскольку «часто смертного манит злато»³, он может забыть, что «мужу открыты иные пути, тысячью доблестных подвигов он может отчизну украсить свою»⁴. А между тем в этих словах Еврипида заключается не только жизненное кредо (делай что должно и будь!), но они, пожалуй, являются тем, что Пятигорский называл «политической рефлексией» — мышлением, направленным на политическую философию государства, анализирующим не только власть, десакрализируя его феномен, предвидя трансформации и их последствия, но и участвующим в политическом бытии, выстраивающем свою стратегию *πολιτεω*⁵, — в простом устройстве города, иначе — жизненном укладе (большинство натурфилософов следовали этой максиме, неся и внедряя такую активную жизненную позицию: сражаясь, улучшая и славя отчизну). Политическая рефлексия — это мышление, которое само себя мыслит, отвергая предыдущее, подвергая сомнению, словно змея, что скидывает кожу, и тем самым продвигаясь на длину собственного тела, — такое движение вперёд, равное шагу, очень важно в политической рефлексии: с него начинается политическая свобода, при которой «человек» всегда звучит гордо. Итак, сумма веры как высшее право (*summum jus*) против суммы мышления, или, следуя за крылатостью римских поговорок⁶, суеверное бесправие (*summa injuria*) против высшего блага

3. Еврипид. Возвращение героя / Голосовкер Я. Э. Антология античной лирики в русских переводах. Лирика Эллады. Кн. первая. — Томск; М.: Водолей-Publishers, 2004. — С. 428.

4. Еврипид. Доблесть. Указ. соч. С. 428.

5. Греч. *πολιτεω* — управлять государством, быть гражданином (см. греческо-русский словарь, любой).

6. *Summum jus — summa injuria* (высшее право есть высшая несправедливость, то есть право, доведённое до крайнего формализма, приводит к бесправию) [Краткий словарь латинских слов, сокращений и выражений. — М.: ТЕРРА, 1996. — С. 86].

(*summum bonum*), коим мы считаем, вслед за Геродотом и др., свободный разум (в его онтологическом сиянии). В таком затяжном поединке, что длился кроваво и беспощадно, согласно архаической традиции человечества, предпочтительным (по степени овладения) вариантом для человека становится единственно одно высшее право (*summum jus*) — право на религию, что бьёт нокаутом сознание, не только сужая горизонты познания, но и бросая на четвереньки под неумолимый хохот Сфинкса, прокрустовым методом устраивает «окорот» самому человеку.

Воспитание чувств праздностью и отвращением к труду как занятию плебеев, исполненных рабской сути, как нам видится, пошло именно с эпохи Просвещения, которая, просвещая мудростью предков, не только сеяла революционные зубья, но и стала трамплином научно-технического прогресса, предпрешившим цивилизационный скачок общества. Болингброк, английский философ XVIII века, под влиянием Локка пришёл к выводу, что для постижения Бога достаточно опыта (видимо, Откровения, что случается однажды), считал, что лишь высшие слои общества могут пользоваться правом свободы мышления как *summum bonum*, а низшие слои (народ) должны руководствоваться религией — совокупностью суеверий, навевающей только сны, которые не дружат со здравым смыслом и, по мнению натурфилософов, так вредны человеку. Позднее это секуляризованное право, основываясь на тяге к исключительности, разовьётся так, что будет удивлять Вольтера и Монтескьё, обнаруживших в Англии общество, отличное от французского, общество, в котором корона не контролировала законодательную власть, в котором господствовала величайшая свобода мысли и выражения — как в политических, так и в религиозных вопросах; тот английский индивидуализм, пропитанный антиклерикальным духом, что позволит назвать религиозное возрождение Англии середины XVIII столетия Великим пробуждением⁷. Но именно это «пробуждение» привело к рождению одной политической стратегии, что будет владеть умами здравомыслящих англичан, французов, русских, китайцев и пр., кто включился в творческий акт свержения абсолютной власти — новой тираномахии, — и, заметим, эта мысль прозвучала в памфлете (полемические баталии, пронизанные скепсисом и иронией, были очень популярны по обе стороны Ламанша) Томаса Пейна «Здравый смысл» (в 1776 году — за два века до «Символического обмена» Бодрийяра), который предложил «мировое дело как Ноево государство», что, рождая новый Миф о сотворении мира, было тем глобальным проектом, очередным после расширения греческого мира в Малой Азии, походов Александра Великого, Митридатовых войн, Галльских войн Цезаря, Крестовых походов в Иерусалим, тюдорского завоевания Америки или Индии, той масштабной затеей new-колониализации, подобно египетским пирамидам, садам Семирамиды, Вавилонской башне, Родосскому Колоссу, или гигантскому коллаyderу, в который человечество не прочь включиться (вольно, безвольно, невольно) и что так манит кармической далью, по

7. Доусон К. Г. Указ. соч. С. 94–95.

сути, обусловлено тягой приобщения к мифической Атлантиде (Китежу), к соборному единению путём общего дела, — что это, как не *πολιτεῖον*? И на том основании, что идея обросла своими субстанциями, заголосила объективациями, пустила ток всеядных эмагов демократического мистицизма, воспитала своих героев (Дантон, Робеспьер, Марат) и, включаясь в порочный круг людоедства по принципу «свой-чужой», овладела умами большинства, сложив и Пантеон, и курган, обросла хронотопом и символами, стала просто живым объектом, иначе — Мифом, который, по мнению Лосева, и есть «ставший человеческим индивидуумом организм жизни, сам себя конструирующий и нормативно конструирующий все свои жизненные функции в условиях своей субстанциональной зависимости от вышечеловеческой и внеразумной области судьбы»⁸. Лернейская гидра революции обитала по своим законам и в своих лощинах перекроенного мира — манифесты, декларации, трибуналы и пр., — и ещё обрела возраст — точку «остранения», — что позволило Доусону назвать идеологов и вершителей революции Просвещения богами. На этих условиях, действительно, сооткался Миф о новой битве, который можно назвать *αὐθρολόζ* махидой — бойней за нового человека, в которой был утрачен сам человек. В этом смысле «боги революции» Доусона действовали как удачливые политехнологи: найдя слабое звено — а им оказался человек, — они сделали ставку на его постепенное уменьшение, а не на рост (лилипута всегда легко удержать даже в собственном кармане)⁹, пеленали только одним — неисповедимостью путей божьих (иначе — бытования божьего промысла, коему нет ни объяснения, ни воздействия свыше), и потому нужно не «быть», но, уповая на «будь что будет», можно сыграть «в фараона», примерить маску бога, уподобиться на время, став вездесущими и необъяснимыми, своенравными детьми стихии, которым по плечу любое «мировое дело» — они же дети Солнца¹⁰.

Памфлет Пейна, помимо тайного призыва к освобождению Америки, явно обозначил два момента, две линии славного Междуречья, что ныне зовётся революционным движением, — это концепция политической революции как части всемирного и почти космического изменения, выходящего далеко за пределы местных и исторических обстоятельств, и, если позволите, испанская хотя мессианского идеализма, обращённого в тысячелетнее царство равенства. Здесь, как мы полагаем, скрестились идея о загробной жизни протестантской Реформации с обычным порядком вещей — естественным уложением чередования вытеснением («через вражду и заимообразно [за счёт другого]») одного существования другим. И американская история освобождённого государства, под влиянием Пейна и Франклина, стала идентифицироваться в глазах всего мира с революционным

8. Лосев А. Ф. Афинский неоплатонизм / Лосев А. Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн. 2. — Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство „АСТ“», 2000. — С. 227.

9. Очень убедительно в качестве примера звучат памфлеты Дж. Свифта и его знаменитый «Гулливер».

10. Видения Кампанеллы разрушительно воздействовали на здравый смысл столетиями.

идеализмом, который популистски сочетал мораль с благосостоянием, а политическую игру — с суеверием, потому что, как замечает Доусон, «из местной ссоры по поводу суммы налогов и колониальных прав конфликт превратился в крестовый поход за права человека и дело человечества»¹¹. Ирония была воспринята прямо-толком теми, кому так надоели свои скучные пенаты, где всё поделено и расчерчено абсолютным правом собственности.

И теперь мы приступим к Аристотелю, на которого столько раз ссылались, но не давали расшифровок. Философский словарь располагает одним значением: «Энтелехия (греч. *εντελεχεια*, от *εντελής* — законченный, завершённый и *εχω* — имею, нахожусь в состоянии; собственно — нахождение-в-состоянии-полной-осуществлённости, осуществлённость) — один из двух терминов философии Аристотеля (наряду с энергией) для обозначения актуальной действительности предмета, акта в отличие от его потенции, возможности»¹². И ещё более суровое: «Энтелехия (от греч. — завершение, осуществлённость) — в философии Аристотеля: способ бытия вещи, сущность которой вполне реализована, форма, осуществляющаяся в материи; активное начало, превращающее возможность в действительность, актуальность и тем самым исчерпывающее возможность или потенциальность»¹³. Между тем, если обратиться непосредственно к греческому языку, на котором ткалась философия Аристотеля, то определение будет более чем лаконичным, но обескураживающим по своей противоположной сути: «*εν-δελεχής, ες* — непрерывный, постоянный». Однако если всмотреться в греческое начертание слов, то обнаружится разница не только значений, но и написания: философская словарная статья опирается на слово, которого нет в греческом словаре — *εντελεχεια*, — но есть слово *εν-τελής* («совершенный», «безукоризненный», «отличный», «полный») и есть слово *εν-δελεχής* («продолжительный», «беспрерывный») ¹⁴. Истина в этом случае не просто посередине — она в другом слове, греческом *εν-δελεχής, ες*, означаемом **беспрерывность и постоянную продолжительность, текущую непрерывно**. Не правда ли, похоже на гераклитовское «всё течёт и всё изменяется», словно сама неудержимость мира вторит человеческой *ενδελεχεια*, или наоборот, что естественнее, ибо шло слепком (мозг человека устроен очень сложно — эта сложная биоматрица работает для человека в лучшем случае на одну десятую своих возможностей, и она скрывает в себе не меньше, чем само мироздание)? Как видим, всплыли две различные субстанции: непрерывная и законченная. Приступим к «препарированию лягушек» (увлекательному занятию со времён «Рецептивного проклятия „утопии“»¹⁵). Куда делось изначальное толкование слова, вместе

11. Доусон К. Г. Указ. соч. С. 128.

12. Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — С. 800.

13. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. — М.: Гардарики, 2006. — С. 1014.

14. Греческо-русский словарь, сост. А. Д. Вейсманом. — СПб.: издание автора, 1899. — С. 442, 432.

15. Меньшикова Е. Р. Рецептивное проклятие или терминологический сбой: к проблеме интерпретаций «утопии» Т. Мора // *Credonew*. — 2012. — № 3–4.

с его непрерывностью, протеканием, безудержностью, незавершённостью, продолжающимися и не могущим прекратиться, поскольку просто не имеет никаких отрезков на своём протекании, кроме двух: рождение и смерть. Именно эти, поскольку только с остановкой мозга (что являет факт смерти организма) прекращается бег *ενδελεχης*, поскольку именно её включает разум, получив импульс фактом своего рождения. Как мы понимаем, «энтелехия» и «интеллект» — слова одной семы, значение которой определено чётко в греческом словаре: «непрерывный, постоянный». В этом нас убеждают и собственный опыт, и опыт других, и научные изыскания нейрофизиологов: мозг не умеет спать, в лучшем случае это то, что мы называем «спящий режим», словно невыключенный компьютер с мигающей лампочкой, — даже во время короткого сна наш мозг «работает»: ищет, отслеживает, натывается на аллюзии, сличает картинки, после чего одаривает нас инсайтом, который заставляет открыть глаза, и, побудив к активным действиям, требует осуществления «показанного» в зримом образе или вербальном мысленном звуке (картины, часто цветные, слова, часто готовые фразы и рифмы). И само слово «интеллект» (мыслительная способность человека) никак не подразумевает свою собственную смерть, ведь его «конечность» и «завершённость» возможна только при выключенной лампочке, а её может гарантировать только смерть (искусственное вентилирование — лишь слабое утешение на сломанном примусе), что феноменальным образом останавливает феноменально устроенный аппарат мозга, что совершает мыслительные операции, отсылая импульсы в определенные зоны мозговых центров — галактике весом в килограмм — даже во сне, продолжая тем самым творить и дышать, иначе: протекать и непрерывно двигаться. Живая, необозримая *ενδελεχης*, протекание которой рвётся только остановкой всего биологического ритма организма (смертью сердца или насильственно), никак не может члениться на логические или нелогические фразы, её потенции неисчерпаемы, она не осуществима в полноте своей, поскольку «дно» (предел, масштаб, объём) её не определено, нельзя сказать, что её «сущность реализована» до конца, ибо предначертанных заданий может быть множество, и пока мозг, в котором она обитает, жив, не обесточенный живым организмом и, тем самым обеспечивая его работу, золотая рыбка *Ενδελεχης* будет трепетать и плыть. Аристотель в «Протрептике» настаивал на постоянном движении человека к счастью — за гармонией, за созвучием ладов «Я» и мира, — что возможно лишь при ладно работающей энтелехии, ведь потому и надо «обратиться к философии, если мы собираемся правильно вести общественные дела (οὐδὲν πολιτευσέ-σθαι) и с пользой прожить свою жизнь (τοῦ εαυτὸν βίον διαζεῖν ὠφελιμῶς)»¹⁶. Иначе — быть готовым и вовлечённым к свободе мышления или владеть политической рефлексией в объёме переменного тока жизни.

16. Aristotelis fragmenta selecta / Recognovit W. D. Ross. — Oxford, 1955. Цитаты приводятся по русскому переводу: Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / пер. на рус. Е. В. Алымовой. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. 2004. — С. 25.

Протрептик не входит в основной *Corpus Aristotelicum*, он дошёл до нас фрагментами, традиция не располагает точной датой написания (но лишь свидетельством Диогена Лаэртского о том, что «от Платона он [Аристотель] отошёл ещё при жизни» [V, 2], а это могло быть сделано лишь в *Физике* (I–VII), *Метафизике* (A, B, I, M, N), *Протрептике*, которые сильно отличаются по стилю и духом иные), но все его части посвящены одной теме: что такое благоденствие (*ευδαιμονία*) и как его достичь. В этом сочинении, побуждающем заниматься философией, В. Йергер усматривает программное сочинение Академии (Лицея), в основании которого лежат изложение платоновского идеала и путь к его постижению¹⁷. Сложно не согласиться с этим замечанием, читая: «Итак, некая рассудительность (*φρονησις*) является, согласно природе, для нас целью, а мыслить (*φρονεῖν*) — это то последнее, ради чего мы рождены. Следовательно, если мы живём, то, очевидно, для того, чтобы мыслить и познавать. Ведь если, согласно природе, целью является рассудительность, то мышление будет, пожалуй, лучше всего. Так что прочего нужно достигать ради благ, возникающих в человеке, а из этих благ — телесные ради душевных, доблесть ради мудрости. Ведь это самое главное»¹⁸. Что же называли со времён Античности «благоденствием» — найдём, как всегда, в греческом языке: *ευδαιμονία* — «счастье», *ευδαιμον* — «счастливый», «богатый», *ευδοκίαια* — «иметь хорошую славу». Однако и здесь философский словарь, используя греческое начертание древнего понятия, всё ставит с ног на голову: «Эвдемонизм (от греч. *ευδαιμονία* — счастье, блаженство) — античн. принцип жизнепонимания, позднее в этике — принцип истолкования и обоснования морали, согласно которому счастье (блаженство) является наивысшей целью человеческой жизни»¹⁹. Приведём ещё несколько синонимов слову «счастье», а также однокоренных или производных, которыми располагает греческий словарь: *εὐννοῦμεν* — «благомыслящий», «умный», *εὐγενής* — «благородный», *εὐτυχέω* — «быть счастливым», *εὐτυχία*, *αἶσα* *ἡ* — «счастье, благополучие», *εὐτυχίαια* — «счастье», «удача», *εὐτυχής* — «счастливый»²⁰. Как видим, ни в одно не закралась коннотация «блаженства», которое по-гречески писалось бы иначе: *μακαρίστος* (от *μακαρίζω* — «достойный считаться счастливым, завидный, счастливый»²¹).

17. Jaeger W. *Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung*. — Berlin, 1923.

18. Аристотель. Протрептик. Указ. соч. С. 45.

19. Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. Энциклопедия, 1983. — С. 786.

20. Цит. по: Греческо-русский словарь / Славятинская М. Н. Учебник древнегреческого языка. — М.: Филоматис, 2003. — С. 580.

21. Греческо-русский словарь, сост. А. Д. Вейсманом. — СПб., 1899. — С. 778. При этом стоит отметить, что это слово — *μακαρ*, *αροζ*, *ο*, *η* («блаженный», «счастливый») — использовалось, когда речь шла о богах и затем о людях, уже умерших и живых, но (!) на островах блаженных — *μακαρὼν νῆσοι*, — то есть, по верованиям древнего грека, в раю (*μακάρτατος*) — стране умерших, но счастливо продолжающих жить после своей смерти в реальном мире. Поэтому такая коннотация «счастья» как «блаженства» была возможна лишь в рассуждениях об умерших либо же в поэтической речи, что и приобрело широкое распространение.

Судя по сохранённым значениям в языке, «быть счастливым» означало благоденствие, то есть умение и свершение благих деяний, в связке с благомыслием, и достойную славу в сцепке с благородством, и благополучие. «И даже в благоразумии мы испытывали бы нужды, так как перед нами не стоял бы выбор между добром и злом. Итак, мы были бы счастливы благодаря одной лишь способности познания природы и науке, которая одна достойна того, чтобы восхвалять даже богов»²². Итак, благоденствие (счастье) возможно лишь при достижении знания, иначе — постигая природу вещей, чем, собственно, и занимался Аристотель, на десять лет покинув Афины после смерти Платона и, как утверждают многие, странствуя. Но названия его книг, с которыми он вернулся, говорят об ином: *История животных*, *О частях растений*, *О растениях*, *Малые сочинения о природе* — труды, свидетельствующие об исследовательской работе, познании. К ним же мы относим и *Протрептик*. Это отнюдь не голос чистой рефлексии, бичующий в пустыне своё эго днём и ночью, не абстрактное философствование, но свидетельство постижения вещей, их сути. Ведь нельзя постичь что-либо, не взяв в руки, не работая с ней/над ней (вещью), не заботясь о ней, не взращивая её, не производя, не творя, не развивая, не крутя, не бросая... Счастливый человек, по Аристотелю, — тот, что, словно «хороший кормчий, связав начала жизни с вещами вечными и прочными, стремится (жить) и живёт в согласии с самим собой»²³. Смеем заключить, что философия по Аристотелю вовсе не исключает труд как благородный путь к знанию (мудрости), наоборот, вводит его как должное обоснование благоденствия, поскольку, постигая природу вещей, работая в колдовороте природы вещей, творя метафизику бытия, можно было постичь себя и жизнь, сохранить сознание (благоразумие), достичь гармонии и счастья бытия («согласия с самим собой»). Об этом *Протрептик* Аристотеля — пролегомены философии как науки. В этой связи важно ещё одно уточнение, которое даёт Аристотель, поглощённый и жизненными перипетиями, и научным поиском, и деятельностью по собственному жизнеобеспечению, что обуславливало взаимодействие двух мыслительных процессов — «осмысления» и «наблюдения», — объясняя разницу между «знанием» и «познанием»: «Одно (το ἐπιστάσθαι) мы называем использованием и созерцанием, а другое (το γινώσκειν) — обладанием способностью и наличием знания (ἐν μὲν το ἔρῃσθαι καὶ θεωρεῖν λεγόμεν, ἐν δὲ το κекτῇσθαι τὴν δύναμιν καὶ τὴν ἐπιστήμην ἐξείν»²⁴, подводя к главному: «... „пользоваться“ для каждого и означает (такое

22. Аристотель. Протрептик. Указ. соч. С. 46.

23. Там же. С. 49.

24. Там же. С. 50. Здесь мы приводим цитату так, как она дана в сборнике (книжке) Аристотеля, который мы избрали в качестве источника, иллюстрирующего мысль философа, без изменений с нашей стороны, но должны заметить: греческое написание слова «знание» приведено не в соответствии с греческим словарём — видимо, причиной тому стали многочисленные переводы и реконструкции с немецкого и английского сохранившихся фрагментов *Протрептика* (отметим: Jaegen W. Aristotles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. — Berlin, 1923; *Aristotelis fragmenta selecta* / Recognovit W. D. Ross, 1955; *Aristotelis Metaphysica* / Recognovit brevique adnotatione instruxit W. Jaeger. — Oxford, 1957). Приведённое слово

положение дел), когда он, имея способность к чему-то одному, это самое и будет делать, а если имеет способность ко многому, то будет делать самое лучшее из этого. Следовательно, нужно говорить, что использующий (нечто) правильно лучшим образом, ибо знание „того, для чего“ и „каким образом устроено (нечто)“ есть только у того, кто пользуется (чем-то) должным и правильным образом»²⁵. Именно это создаёт то благоденствие, содеянное наилучшим образом, что приводит к гармонии: ладу с самим собой и миром. И наилучшим образом тому, чтобы «правильным образом» «пользоваться (чем-то), обладая знанием (о нём), помогает, по мысли философа, способность души „размышлять и делать умозаключения“²⁶, и так, и только так человек сможет испытать счастье — существование, совершенное своей сущью, то есть только тогда, когда будет действовать и исследовать свой предмет»²⁷. То есть на полной отдаче своих сил и способностей. А разве не так — «срывая шарф, распахивая сердце, немея ветром и тренируя связки Демосфеном» — ткали свой Миф Гомер и Гесиод, чьи «Дни» наполняют человека трудом, направляя к свершению и... к самопостижению?

И потому протекание нашей жизни настоятельно рекомендует от пустой метки (концептуальной, надуманной: миф-слово) вернуться к сложности представлений, ясности поступка и Гераклитовой логике: «Всё течёт, всё изменяется, и нельзя войти дважды в одну реку, не изменившись». И чтобы такое бегство — из объятий «символического обмена» под крышу «натурального обмена» образами и понятиями — состоялось, нужно, подобно герою пьесы Горина (Мюнхгаузену), каждый день совершать подвиг.

Используя Миф в значении «байки», З. Фрейд плёл свою практическую ложь не хуже Парок. Маркируя поведенческими метками, он сознательно включал бессознательный катод — ту самую обструкцию «прокрустова ложа», при которой человеческое сознание стояло в углу своей детской непосредственности. К теории психоанализа в большей степени был применён не сам миф о царе Эдипе, а та литературная традиция, заложенная Софоклом, рассказывающая об истории мести/возмездия непутёвого сына (сюжет, лёгший позднее в классический плутовской роман), что стоит грозным памятником (тугой бронзы) пропавшего героя. Однако даже в трагедии Софокла наказания богов Эдип не избегает и не ищет (тех самых оправданий и утешений), что стало нормой в практических руководствах

ἐπιστάσις в словаре отсутствует, но есть слова: ἐπιστάμωζ («начальник», «квартирмейстер», «комендант») и ἐπιστάμια («постой»), имеющие несколько иную коннотацию, которую можно по касательной, поскольку этимология любого слова обладает глубокими связями, широкими родственными гнездами и ассоциативными крепкими узами, но всё же призвать в помощники: ἐπιστάσις («наблюдение за чем-либо») обязательно приведёт к определённому знанию, а всякое знание — к господству над чем-либо (ἐπιστάσια). Каноническое начертание слова «знание» иное: ἐπιστήμη или ἐπιστάμη («знание, наука»); ἐπιστήμων («знающий, сведущий») (Указ. издание. Греческого словаря под ред. А. Д. Вейсмана. С. 507).

25. Аристотель. Протретики. Указ. соч. С. 51.

26. Там же. С. 52.

27. Там же.

психоанализа, который сыграл в трансмиссии мифологий свою злодейскую партию — одну из главных. Древнегреческая трагедия Софокла «Царь Эдип», рассказывая об акте возмездия, демонстрировала тот *summa ius*, которым может обладать смертный — право выбора ответственности за поступок. Это не жертвенность, а именно сознательное принятие высшей справедливости: наказание за нарушение Законов (морали в том числе). Наказание жестокое — продлевающее страдания. Такое понимание справедливости подготавливал именно Миф. Софокл был ближе к нему, был им воспитан и потому острее, чем мы, чувствовал, к чему ведёт неисполнение нравственного долга, бегство от ответственности, заигрывание с совестью, — всё это чревато одним: бесправием каждого и последующим произволом. Эдип сам выкалывает себе глаза — об этом на сеансах психоанализа стараются умолчать, иначе не оправдать ни проступка, ни прегрешения, ждущего именно оправдания и сладкой грёзы клиента. Итак, несоблюдение высшего блага, оно же высшее право, приводит не просто к альтруизму (беззаботному следованию течению жизни), но к бесправию всех и равнодушию всякого — каждому своё (*sumt cuique*) при всеобщем попустительстве, незрячести в зримых и явных конфликтах, социальной несправедливости при формализме закона, который не гарантирует Права — даже на поступок, на тот подвиг Сократа, что явил миру первый подвиг гражданского мужества: к принятию закона, уложения полиса, и подчинению ему. Не каждый способен на «постриг глаз», что совершил Эдип, но всякий должен иметь на это право: на выбор поступка, на принятие на себя ответственности — этому всегда учил Миф. Приватность же «высшего права» больше напоминает индийских обезьянок, которые ничего не слышат, ничего не видят, ничего никому не скажут, — то ли триумвират **summa injuria** (высшая несправедливость), то ли троица астенического синдрома. И потому смеем заключить: «миф» — это не то, что имеет отношение к жизни богов (Платон), и не просто одна из исторических форм человеческого мышления (Пятигорский). Миф — это и есть натуральный ландшафт философии, на котором зарождается и прорастает семя политической рефлексии человека, обеспечивая ему статус и *modus vivendi*.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. [Aristotelis fragmenta selecta / Recognovit W. D. Ross. — Oxford, 1955.] Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / пер. на рус. Е. В. Алымовой. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004.
2. [Eratosthenis fragmenta / Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von HERMANN DIELS, hrsg. V. W. KRANZ, Bd. I–III. — B., 1951–1952.] Гераклит. Фрагменты // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. — М.: Наука, 1989. — С. 176–256.
3. Бодрийяр Ж. Труд и смерть // Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000.
4. Голосовкер Я. Э. Антология античной лирики в русских переводах. Лирика Эллады. Кн. первая. — Томск; М.: Водолей-Publishers, 2004. — С. 428.
5. Греческо-русский словарь, сост. А. Д. Вейсманом. — СПб.: издание автора, 1899. — С. 442, 432.

-
6. Доусон К. Г. Боги революции. — СПб.: Алетейя, 2002. — С. 77.
 7. Краткий словарь латинских слов, сокращений и выражений. — М.: ТЕРРА, 1996. — С. 86.
 8. Лосев А. Ф. Афинский неоплатонизм // Лосев А. Ф. История античной эстетики. Последние века Кн. 2. — Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.
 9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. — М.: Правда, 1990. — С. 418.
 10. Меньшикова Е. Р. Гротескное сознание: явление советской культуры. — СПб.: Алетейя, 2009.
 11. Меньшикова Е. Р. Карнавальное сознание // Дискурс. — 2000. — № 8/9. — С. 19–26.
 12. Меньшикова Е. Р. Миф как натуральный обмен // Credonew. — 2017. — № 1–3.
 13. Мифология: ИФС. — СПб., 1996. — С. 66.
 14. Плутарх. Об Исиде и Осирисе / пер. Н. Н. Трухиной // Плутарх. Исида и Осирис. — М.: Эксмо, 2006.
 15. Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций. — М.: Издательство «Европа», 2007.
 16. Славягинская М. Н. Учебник древнегреческого языка. — М.: Филоматис, 2003. — С. 580.
 17. Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — С. 786, 800.
 18. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. — М.: Гардарики, 2006. — С. 1014.
 19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. — 4-е изд., стер. — М.: Астрель: АСТ, 2007. — С. 148, 447–448.